
РОЛЬ ДИАСПОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СЕРБИИ И ХОРВАТИИ С 1945 ГОДА ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Rolul diasporei în viața politică a Serbiei și Croației din
1945 până în prezent: o analiză comparativă

The role of the diaspora in the political life of Serbia and Croatia
since 1945 to the present: a comparative analysis

Душан ПРОРОКОВИЧ

*Белград, научный исследователь, Институт международной политики и экономики,
преподаватель факультета дипломатии и безопасности
доктор политических наук
dusan.prorokovic@mail.ru*

От Второй мировой войны до периода после гражданской войны из Югославии выехало 3,6–4 миллиона человек. Это число увеличилось в 2000-х годах, особенно за последние пять лет, после новых миграций вследствие обострения мирового экономического кризиса. Политическая роль диаспоры в Сербии и Хорватии связана исключительно с деятельностью политической диаспоры в период от Второй мировой войны до начала 1990-х годов. У экономической диаспоры отсутствует стимул к участию в политической жизни страны происхождения. Различия, существующие среди представителей диаспоры, огромны, нет единой цели, к которой они могли бы стремиться, как нет и организаций, которые могли бы озвучить такие стремления.

From the end of the Second World War to the period after the civil war, 3.6–4 million people left Yugoslavia. This number has increased from the year 2000 and especially over the past five years, when new wave of migration started after the world economic crisis. The political role of diaspora in Serbia and Croatia is associated exclusively with the activities of the political diaspora in the period from the Second World War to the early 1990s. The economic diaspora lacks the incentive to participate in the political life of the country of origin. The differences existing among the representatives of the diaspora are huge, and there is no single goal to which they could aspire, as there are no organizations that could voice such aspirations.

Вступление

В многочисленных прочтенных мною статьях о диаспоре преобладают три стереотипа. Первый: с диаспорой нужно больше работать, но в стране происхождения этим не занимаются. Так, например, Марин Сопта предупреждает, что «Хорватия не использует свой огромный научный, экономический, культурный, спортивный, религиозный, да и политический потенциал переселенцев» [16,

с. 4–5]. В то же время он признает, что эти потенциалы огромны.

Второй стереотип: с диаспорой нужно работать, чтобы люди вернулись в страну их происхождения, чтобы вкладывали в нее средства, использовали приобретенные ими знания. В Сербии до 2012 года даже существовало Министерство диаспоры, которое должно было заниматься этими вопросами, а в обосновании «Закона о диаспоре и

сербях в регионе» от 2009 года говорилось, что планируется начало «возвращения мозгов» в страну (brain return). В общем, эта тема довольно часто обсуждается во всех балканских странах в течение практически каждой выборной компании.

Третий стереотип основывается на антагонизме: «мы» и «они», причем, каждый раз упоминается, что «наша» диаспора неорганизованная, а «их» – организованная. Мария Стойич делает вывод, что «в отличие от нас», то есть сербской диаспоры, «образцовую солидарность и консолидацию вокруг национальных целей и помощи стране происхождения проявляют македонская, хорватская, албанская диаспоры, а еще больше – греческая, армянская, еврейская и другие общины в диаспоре» [6, с. 17].

Проблема этих стереотипов состоит в том, что они, как и большинство других, по сути своей ошибочны и основываются на неоправданно широком обобщении. Во-первых, потенциалы диаспор, в конкретном случае – сербской и хорватской, – несомненно, существуют, но они используются для развития политических, экономических и иных систем других государств. Это происходит потому, что условия для использования этих потенциалов в других местах лучше, чем в Сербии и Хорватии. Как только условия в родной стране будут лучше, чем в эмиграции, население начнет возвращаться, а у государства не будет необходимости вести дополнительную работу в этом направлении. То есть, чтобы диаспора возвращалась, нет необходимости в специальной стратегии, достаточно обустроить собственную страну и обеспечить условия, которые, по крайней мере, были бы равны условиям в странах эмиграции.

Во-вторых, попытки организованного возвращения высококвалифицированной рабочей силы привели к скромным или нулевым результатам, так как одновременно, в 2000-х годах, прежними темпами продолжался процесс миграции людей этих профилей (brain

drain). Всё очень просто – специальности определенных профилей лучше оплачиваются в западноевропейских странах (в отдельных случаях в 7 раз выше), и поэтому у людей нет мотивов оставаться в стране. Этот процесс невозможно остановить с помощью административных мер, а только посредством реального повышения заработных плат высококвалифицированного населения, а это, опять-таки, в короткие сроки невозможно.

В-третьих, миф о том, что «другие» всегда лучше организованы: просто «других» мы знаем хуже, чем «наших». Бесспорно, существуют активные и неактивные общины, но интенсивность и характер их активности зависит от целого ряда факторов. Прежде всего, это зависит от того, объединяется ли диаспора вокруг политических тем или нет. «Политическая диаспора» более активная, обладающая намерениями оказывать влияние на политические процессы в стране или лоббировать интересы своего государства за рубежом. Это происходит потому, что отдельные люди собираются вокруг одной (политической) цели, и, таким образом, большинство различий подавляется либо ими пренебрегают.

У «экономической диаспоры» нет политических целей, и поэтому интегрирующий фактор, который должен объединять представителей одного народа за рубежом, намного слабее. Отличия среди представителей диаспоры, как и среди населения в стране их происхождения, огромны, они проявляются в материальном положении, социальном статусе, принадлежности к разным общественным кругам, происхождении (региональной принадлежности) и т. д. То, что они являются соотечественниками в эмиграции – это лишь одна общая характеристика, которая, в итоге, по причине всех вышеупомянутых отличий, не обязательно является важнейшей. Упомянутый пример армянской диаспоры в данном контексте является показательным. Армянские объединения и отдельные личности весьма упорны в лоббировании того, чтобы как можно большее число стран в

мире принятием в парламенте особой декларации объявило турецкие злодеяния над армянским народом геноцидом.

Однако, в то же время, их активность в других направлениях весьма незначительна. Активность диаспоры нужно рассматривать не через призму часто повторяемых стереотипов, а через ее характер: политический или экономический. Анализируемый случай сербской и хорватской диаспор выбран именно по этой причине.

Со времен Второй мировой войны и до сих пор и у сербов, и у хорватов была как политическая, так и экономическая диаспоры. Как мы сможем увидеть позже, хорватская политическая диаспора была более удачлива, хотя сербская диаспора зачастую была более активна (особенно во время агрессии НАТО в 1999 году). Что же касается обобщений, связанных с экономической диаспорой, их мы объясним в заключительной части данной работы.

Постоянное переселение из Югославии: период формирования сербской и хорватской диаспор

Первые переселения с югославской территории связываются с выездом части населения в США и Южную Америку в конце XIX и начале XX вв. Эти процессы были в большей степени связаны с бедными районами, которые в то время переживали большой демографический рост: Далмация, Герцеговина, Кордун и т. д. Несмотря на все попытки, за этими переселениями весьма сложно проследить. Югославская территория в то время была разделена, Сербия и Черногория были независимыми государствами, западные территории страны находились под властью Австро-Венгрии, южные – под властью Османского царства, а Босния и Герцеговина имела «специальный статус» вплоть до 1908 года. Поэтому сегодня оценки о численности переселенцев варьируют.

Министерство диаспоры Республики Сербии, определявшее диаспору весьма широким понятием – как «граждан Республики Сербии, проживающих за рубежом; представителей сербского народа, переселенцев с территории Республики Сербии и из региона и их потомков», сначала, в 2008 году объявило результаты исследования, согласно которым около 4 миллионов сербов проживает в диаспоре, а затем, два года спустя, пересмотрело эти данные и объявило о 2 774 500 представителях диаспоры. Потомки тех, кто эмигрировал более века назад, чаще всего осознают свое происхождение, но их практически ничто не связывает с прежней идентичностью. Когда речь идет о хорватской диаспоре, ее численность также варьирует от 1,2–2 миллионов, причем, как и в ситуации с сербами, нижняя граница, скорее всего, более точная.

Наряду с этими оценками, основывающимися на разных методах и поэтому, в конечном счете, отличающихся друг от друга, эмпирические данные, подтверждающие, что диаспора постоянно увеличивается, являются результатами переписи, охватившей также тех переселенцев, постоянным местом проживания которых и далее является Республика Сербия. Таких граждан, например, по переписи населения в Сербии в 1971 году было 2,8%, а в 2002 году это число возросло до 5,3% [3, с. 443–453]. Сербская диаспора постоянно увеличивается. То же самое происходит и с хорватской диаспорой. Если рассматривать период от Второй мировой войны по сей день, можно заметить, что эмиграции, на самом деле, не прекращались.

Конец Второй мировой войны обозначил и начало массовых миграций из Югославии. В течение четырех лет войны Югославия была трагично разделена на несколько оккупационных зон, в каждой из которых действовали разные власти, состоящие в разных отношениях с нацистской Германией. Параллельно с этими официальными структурами существовали и освободительные движения, которые не хотели мириться с оккупацией.

После Ялтинской конференции Югославия, по сути, попала в коммунистическую зону интересов, что и было узаконено во время организованных на скорую руку выборов 11.11.1945, когда Коммунистическая партия получила убедительное большинство голосов.

Те, кто сотрудничал с оккупантами или у кого были причины опасаться возмездия новых коммунистических властей, бежали из страны, и тогда же сформировалось первое поколение послевоенной диаспоры. Характерно, что в тот период не произошло формирования югославской диаспоры: сербская и хорватская диаспоры формировались обособленно, в чуть меньшей мере – македонское и албанское общества. Разделения во время войны оставались актуальными, и в противоположность процессу «югославизации» в самой стране, то есть попыток формирования единой югославской идентичности, в кругах диаспоры преобладают этнические, национальные идентичности, а контакты между разными группами практически отсутствуют.

Самыми многочисленными являются сербская и хорватская общины, которые видят главного врага не только в новом коммунистическом режиме, но и в противоположной стороне, с которой они воевали. Открываются многочисленные клубы и печатаются журналы. Необходимость любыми способами повлиять на политические течения в стране очевидна. Поэтому и эту диаспору можно обозначить как «политическую».

Новые переселения начались в 60-х годах XX века, когда страны Европейского сообщества облегчили урегулирование статуса рабочих из Югославии. Эта вторая волна была, прежде всего, экономической, и диаспора, за исключением албанцев, не преследовала никаких политических целей. Учреждая разные организации за рубежом, албанцы еще с восьмидесятых годов объединяются вокруг таких тем как «Республика Косово» и «Великая Албания».

Третья волна переселений, начавшаяся в девяностых годах XX века, была вызвана гражданской войной в Югославии. Большинство эмигрантов уезжает из Боснии и Герцеговины, намечая своей конечной целью, в основном, такие страны, как Германия, Австрия, Швейцария, США, Канада и Австралия. Среди них доминирует мусульманское население, а этнические сербы и хорваты, прежде всего, тяготеют к Сербии и Хорватии.

Четвертую волну мы наблюдаем в данное время, а с 2010 года она лишь усиливается. Неблагоприятная социально-экономическая среда, характеризующаяся высоким уровнем безработицы, относительно низкие зарплаты по сравнению с западноевропейскими странами и несогласованность системы образования с требованиями рынка внесли свою лепту в масштабное переселение граждан в развитые страны ЕС. Таким образом, диаспора югославских народов постоянно увеличивается.

Политическая диаспора

Начало нападения нацистской Германии на Белград, произошедшее 6 апреля 1941 года, обозначило и начало кровавой гражданской войны, в которой участвовали все конституционные народы и, за исключением Румынии и Греции, все соседние страны. Ответ Гитлера был жестоким. Дело в том, что правительство Югославии, после многолетней отсрочки, после того как немцы аннексировали Австрию, Италия оккупировала Албанию, а Венгрия, Болгария и Румыния присоединились к союзу стран «оси», было вынуждена 25 марта 1941 года подписать соглашение с Тройственным пактом.

Карта 1: Дробление Югославии в 1941 году (4)

Два дня спустя произошел путч, власть была свергнута, а на престол был возведен несовершеннолетний Петр Второй Карагеоргиевич. Демонстранты на улицах Белграда приветствовали эту перемену, открыто заявляя о поддержке расторжения союзничества с Гитлером [2]. Большинство доступных сегодня документов свидетельствует об участии британских разведывательных структур в проведении этой акции [21, с. 118]. В Сербии, несомненно, царило огромное недовольство из-за присоединения к Тройственному пакту, что, само по себе, не обязательно могло бы привести к путчу.

Синхронной акцией немецких, болгарских и венгерских сил, наряду со срочным формированием марионеточного Независимого государства Хорватия (НДХ), а в 1943 году и Великой Албании (ВА), Югославия была буквально раздроблена. Хортистская Венгрия аннексировала Воеводину и хорватское Прекмурье, Болгария – Македонию и восточное Косово, Италия – Далмацию, южную Словению и прибрежную часть Черногории,

Германия – северную Словению, а центральная Сербия оказалась под непосредственной немецкой оккупацией. Нужно упомянуть, что и марионеточные государства НДХ и ВА формально находились под двойной оккупацией – германской и итальянской, – хотя и Берлин, и Рим признавали их определенный статус в международных отношениях. Такая ситуация породила «военный кошмар», в котором зачастую невозможно было определить, кто против кого воюет, а кто кому союзник.

Историк Предраг Маркович пишет, что на территории Югославии действовало свыше 20 армий, часть которых, наподобие четнического движения (югославские войска на родине), действовали скорее как «шаткая конфедерация сельских полицейских отрядов», в которых «у каждого вождя была своя политика», что порождало новые замешательства и приводило к новым стычкам [20]. И всё-таки нужно подчеркнуть, что на территории Югославии, наряду с оккупационными силами, выделяются три главных военных

формирования: усташи – вооруженное формирование НДХ, полностью состоявшее в функции осуществления германских интересов; четники – остатки югославских сил, которые и далее выступали за обновление монархии и которые до 1943 года сопротивлялись немцам, но позже у них происходили многочисленные идеологические стычки с партизанами; и партизаны – Народная освободительная армия Югославии, сформированная Коммунистической партией, самая многочисленная партизанская организация в Европе того времени.

Четников до 1943 года напрямую во всех отношениях поддерживали США и Великобритания. В США в то время выпускались почтовые марки с изображением Драголюбa Михайловича – командующего четническими силами, был снят голливудский фильм режиссера Льюиса Кинга, посвященный их борьбе (*Chetniks! The Fighting Guerrillas*), кроме того, четники появлялись в комиксах, рассказывающих о храбрости югославского движения сопротивления (*Chetniks! The Fighting Guerrillas Timely* (позже *Marvel*): *Kid Comics* #3 (Sept. 1943)). С другой стороны, партизанские единицы находились в плоскости советских планов – как военных, так и идеологических. Главным событием в послевоенном устройстве Югославии была конференция в Тегеране, где, после того как Черчилль и Рузвельт согласились с оценкой Сталина, что от четников в качестве союзников нужно отказаться, было принято решение: в будущем поддерживать партизан, так как они более боеспособны и организованы [13, с. 431–433]. Это очень важный момент, повлиявший на события два года спустя.

Освобождение Югославии и установление коммунистического режима означало не только изгнание всех оккупационных сил, но и расправу с идеологическими врагами. В Хорватии это были усташи, а в Сербии – четники. По этой причине хорватская и сербская эмиграции сформировались вокруг этих двух групп, которые отдельно одна от другой продолжили политическую

борьбу за рубежом. Большинство эмигрантов из Сербии обосновались в США и Великобритании, где восстанавливаются или начинают работу многочисленные организации. По оценкам, в то время из Югославии эмигрировало примерно 390 000 человек.

Самой влиятельной являлась Сербская народная оборона, основанная в Чикаго еще в 1941 году с целью предоставления помощи деятельности четнического движения в Югославии, которое выпускает и журнал «Свобода» [5]. Целью организации после Второй мировой войны становится борьба с коммунистическим режимом, и в этом смысле предпринимаются разные шаги в направлении Конгресса и Сената США с сопутствующими пропагандистскими мероприятиями, имеющими весьма ограниченный эффект в самой Югославии. Хорватские эмиграционные общества собираются вокруг усташских лидеров, которые по «крысиным каналам» с помощью некоторых ватиканских священников бегут в Южную Америку [9, с. 138]. Некоторым из них до середины 1950-х годов всё-таки удается перебраться в США, Канаду и Австралию. [9, с. 139] Анте Павелич в 1956 году основал Хорватское освободительное движение, а Войислав Лубурич основывает Хорватское народное сопротивление (ХНО) [12, с. 354]. Эти две организации работают во всех странах, куда эмигрировали усташи, а их характерной чертой является, в том числе, и спонсирование террористической деятельности.

Нужно сказать, что руководители ХНО держали четкую дистанцию с «беглыми членами», ставшими террористами, но, несмотря на это, ХНО с 1980-х годов была запрещена в Германии, а в США и Канаде работала нелегально, без соответствующей регистрации [14, с. 23]. Так, например, Миленко Кркач в 1968 году подложил бомбу в белградский кинотеатр, а в 1971 году усташи Миро Барешич и Анджелко Бракович убили Владимира Роловича – посла Югославии в Стокгольме.

Важнейшей террористической акцией усташеской эмиграции считается угон пассажирского самолета на линии Чикаго-Нью-Йорк 10 сентября 1976 года [15, с. 129–130]. С политической точки зрения хорватские организации значительно отличаются от сербских. Официальная позиция ХНО следующая: «Мы считаем югославянство и Югославию самым большим и единственным злом, вызвавшим все сегодняшние бедствия [...] Наша позиция понятна: разрушить любую Югославию. Разрушить ее с русскими, с американцами, с коммунистами и с некоммунистами, разрушить ее с любым, кто будет ломать. Разрушить ее диалектикой слов и динамитом, разрушить ее безусловно, так как если и есть государство, которое не должно существовать, – это Югославия» [8, с. 93].

Иными словами, целью являлось установление независимого государства Хорватия и развал Югославии. В отличие от сербской эмиграции, обремененной идеологией, хорватская эмиграция была посвящена осуществлению национальной цели и готова ради этого на любое сотрудничество. Это привело к постепенным, а затем и к более крепким связям коммунистических диссидентов из Хорватии с усташеской эмиграцией за рубежом. Роль хорватской эмиграции в провозглашении независимости Хорватии в 1992 году была огромной. В этом смысле важнейшей является связь, которую Франя Туджман, являвшийся до 1961 года югославским генералом, устанавливает с представителями ХНО в Канаде.

Усташеская эмиграция финансирует основание им Хорватского демократического содружества (ХДЗ) в 1990 году, и благодаря этой поддержке он становится первым президентом Хорватии, избранным на свободных выборах [22, с. 5]. С другой стороны, обобщение преступлений усташей являлось ядром политики Туджмана, представлявшего их стремления как борьбу за суверенитет и самостоятельность. В этом плане усташеская многолетняя борьба окупилась [9, с. 138–139]. Опора Туджмана на усташескую идеологию

выражается в разных позициях, прежде всего в отношении к сербам, но проявляется и в том, что министр обороны независимого государства Хорватии Гойко Шушак – выходец именно из этих кругов (прежде он проживал в Канаде) [10, с. 492].

В противоположность этому, политического влияния сербской эмиграции на Сербию практически не существует, или оно слишком мало. Слободана Милошевича четническая эмиграция воспринимает как преемника коммунистических традиций, и поэтому не вступает с ним в более тесные контакты, предпочитая лидеров оппозиции. Так как у Милошевича была огромная поддержка внутри страны, политические позиции эмиграции и населения Сербии расходятся, и, таким образом, политические клубы из диаспоры остаются на полях событий. Хотя они не отказываются от политических амбиций и хотят влиять на процессы в стране, их выталкивают, и им уже никогда не удастся навязать себя в качестве важного фактора в политической жизни страны.

Экономическая диаспора

Параллельно с деятельностью политической эмиграции во второй половине 1960-х годов формируется и широкий слой югославской экономической диаспоры. В исследованиях на эту тему обычно в качестве ключевого года определяется 1962 год [19, с. 197–198]. С одной стороны, страны Европейского экономического союза в то время открывают свои двери рабочим из Югославии, и это вызывает новую волну эмиграции, прежде всего в Германию, Францию, Италию, Швецию, Австрию и Швейцарию. С другой стороны, режим Иосифа Броза принимает решение о либерализации политики выдачи заграничных паспортов и разрешений населению выезжать за пределы страны.

Всего за десять лет число югославских гастарбайтеров в Западной Европе выросло почти до полумиллиона. Если учитывать и политическую диаспору, которая эмигрировала за

тридцать лет до этого, в 1970-х годах, число югославов за рубежом варьировало от 900 000 до 1 миллиона. Это очень быстро сказалось на югославской экономике, так как, по оценкам Мирового банка, приток в страну иностранной валюты за счет денежных переводов в 1971 году составлял 1,3 миллиардов, а в 1972 году – 2,1 миллиардов долларов (что, учитывая инфляцию и стоимость доллара, по сегодняшним меркам составляет 6,5 и 10,5 миллиардов) [7, с. 69–88].

Миграция, однако, на этом не прекратилась, а, напротив, в течение последующих тридцати лет стала более интенсивной. Вследствие экономического кризиса, спровоцированного Первым и Вторым нефтяными шоками и приведшего за короткий срок к высокому уровню инфляции в стране и реальному падению заработных плат, в первой половине 1980-х годов начинается новая волна экономической миграции. Ее конечной целью является Западная Европа, но на этот раз и США, Канада, Новая Зеландия и Южно-Африканская Республика. На этот раз нет большой разницы между тем, куда эмигрируют сербы, а куда – хорваты.

Также, для обеих переселенческих групп характерно то, что они не слишком активны с политической точки зрения. Присоединение отдельных людей к этническим или усталым группам происходит эпизодически и скорее является исключением, чем правилом. Экономическая диаспора не заинтересована в политической деятельности. Эта тенденция будет продолжаться и в течение 1990-х годов, когда вследствие гражданской войны начинаются массовые переселения с югославских территорий.

Проводились мероприятия с политической подоплекой, что было делом рук как боснийско-герцеговинских мусульман в Германии и Австрии в течение войны, так и албанцев в Бельгии и Швейцарии в 1998 году, когда их соотечественники в Косово начинали свою «интифад», а также сербов в США и Великобритании во время агрессии

НАТО в Сербии и Черногории в 1999 году. Эти мероприятия, однако, сводились к мирным демонстрациям и протестам, прежде всего рядом с учреждениями государств, в которых проживали мигранты, с целью оказания давления на политиков в этих странах, а также сосредоточения внимания общественности на определенных политических темах. Постоянных политических организаций не было, не было и каких-либо фундаментальных попыток оказания влияния на страны, возникшие после развала Югославии.

Говоря о хорватской диаспоре, нужно отметить, что политические организации из диаспоры осуществили свою цель, перенеся деятельность в страну еще в 1992 году. Сербская диаспора в 1990 году посредством формирования Конгресса сербского объединения (КСУ) сделала еще одну попытку исправить ошибку этнического движения и провести деидеологизацию вновь сформированной организации, но формирование происходило в неудачный момент, и эффекта от ее работы не было практически никакого. Сербия в первой половине 1990-х годов вступает в конфликт с ведущими западными странами, которые в любом политическом стремлении к сближению с организацией сербской диаспоры видели угрозу и пресекали такие попытки в корне.

Оценивается, что до конца 1990-х годов в четырех волнах эмиграции – от Второй мировой войны до периода после окончания гражданской войны – из Югославии выехало 3,6–4 миллиона человек. Это число увеличилось в 2000-х годах, но особенно выросло за последние пять лет, после новых волн миграции вследствие обострения Мирового экономического кризиса. Больше всего сербов проживает в Германии – 800 000, Австрии – 300 000, Канаде – 250 000, Швейцарии – 200 000, Австралии – 130 000, Франции – 120 000, Швеции – 110 000 и т. д. [1, с. 17]. Также хорватов больше всего в Германии, приблизительно 300 000, затем в Австралии – 250 000, Канаде и Австрии – по 150 000 и т. д. [11, с. 431–436]. Кроме этого, оценивается,

что примерно 300 000 потомков хорватских переселенцев проживает в Южной Америке, от Чили, Аргентины, Боливии и Эквадора до Уругвая, но точных данных не существует.

Точно так же нет точных данных о численности сербов и хорватов в США, что служит поводом для спекуляции слухами, что численность и одного, и второго народов варьирует в пределах миллиона человек, но к этой информации нужно относиться с большой осторожностью. В США, в отличие от европейских стран, происходит более быстрое слияние с местным населением второго поколения иммигрантов, которых, кроме фамилии, ничто не связывает с родиной их родителей. Из-за постоянного увеличения числа переселенцев уровень переводов в иностранной валюте из-за рубежа за последние десятилетия остается относительно высоким.

Национальный банк Сербии оценивает, что в период 2011–2016 гг. эта сумма составляла приблизительно 2,7 миллиардов евро в год (8,2% ВВП), а в Хорватии – около 1,5 миллиардов евро (2,5% ВВП) [18]. Методология, которую использует Мировой банк, немного отличается, и по ее результатам диаспора в эти две страны в течение рассматриваемого периода отправляла в два раза больше денежных переводов. И всё-таки, если эти данные сравнить с показателями семидесятых годов, становится очевидно, что уровень денежных переводов либо имеет тенденцию постепенного снижения, либо находится в стагнации, несмотря на то, что число переселенцев растёт.

Это происходит потому, что второе поколение переселенцев, как правило, меньше инвестирует в страну происхождения их родителей. Другими словами, не только отсутствует политическое влияние, но с течением времени начинают слабеть и экономические связи. Естественно, возникает вопрос: как это возможно? У экономической диаспоры отсутствуют политические цели, заинтересованность в событиях в стране

происхождения со временем стихает и проявляется лишь в случаях крупных кризисов и вооружённых конфликтов. Со снижением заинтересованности исчезает желание вернуться, а также необходимость действовать на пользу национального сообщества.

Вывод

У экономической диаспоры отсутствует стимул к участию в политической жизни страны происхождения. Различия, существующие среди представителей диаспоры, огромны, к тому же нет единой цели, к которой они могли бы стремиться, как нет и организаций, которые могли бы озвучить такие стремления. Государства пытаются с помощью всевозможных мер заинтересовать представителей диаспоры вернуться в страну или инвестировать в ее экономику, но это не дает результатов.

Особенности диаспоры определяют и ее деятельность в эмиграции. Если политические мотивы отсутствуют, отсутствует и политическое влияние. Весьма ограниченное влияние экономической диаспоры проявляется в валютных денежных переводах родственникам в стране происхождения, что в случае Сербии составляет 8,2%, а Хорватии – 2,5% валового внутреннего продукта. Однако с течением времени, и эти переводы уменьшаются, так как у второго поколения переселенцев обычно меньше контактов со страной происхождения их родителей. Таким образом, влияние на экономическую среду постепенно ослабевает, а новые переселенцы, пополняющие эмиграцию и обновляющие экономическую диаспору, оживляют это влияние.

Этот процесс будет продолжаться до тех пор, пока на их родине не будут созданы условия, прежде всего для того, чтобы местное население оставалось, а затем, чтобы и эмигрировавшие граждане начали возвращаться. Это подразумевает улучшение социально-экономической среды и установление правовой и политической системы. Отстаивание идеи,

что экономическая диаспора может в значительной мере помочь развитию страны или улучшить ее политическую позицию, до сих пор чаще всего оказывалось утопистским. Политическая роль диаспоры в Сербии и Хорватии связана исключительно с деятельностью политической диаспоры в период от Второй мировой войны до начала 1990-х годов.

После этого периода имели место политически мотивированные акции, но они были единовременными и касались конкретных тем, а чаще всего были организованы во время крупных кризисов и/или возникновения вооруженных конфликтов. Очевидно, что роль хорватской диаспоры в формировании независимого государства Хорватия в 1992 году была огромной.

С другой стороны, влияние сербской диаспоры было незначительным или вообще отсутствовало. Это произошло по той причине, что новые власти в Хорватии в 1990-х годах

заняли позиции, совпадающие с позициями организаций политической диаспоры. В случае Сербии такое совпадение отсутствовало.

Для того чтобы диаспора могла влиять на политическую жизнь, она должна иметь политический характер, но в то же время одного этого условия недостаточно. Для того чтобы она могла оказывать влияние, необходимо, чтобы она разделяла политические ценности и преследовала политические цели, тождественные с ключевыми политическими факторами в стране. Поэтому случаи, когда диаспоре удается повлиять на политические процессы, нечасты и обусловлены рядом факторов. Вопреки устоявшимся стереотипам о том, что диаспора представляет собой неиспользованный потенциал и может внести свой вклад в быстрое развитие страны, и что этого можно достичь, если бы «наша» диаспора была организована как «их», примеры Сербии и Хорватии доказывают совсем противоположное.

Библиография

1. Билбија, Бојан, „Дијаспора може да промени Србију“, *Политика*, 28.12.2013, с. 17.
2. Петрановић, Бранко, *Србија у Другом светском рату 1939–1945*, Војноиздавачки и новински центар, Београд, 1992.
3. Предојевић – Деспић, Јелена, „Могућности за повезивање и сарадњу са Србијом: ставови новије српске дијаспоре у Канади и Сједињеним Америчким државама“, *Зборник Матице српске за друштвене науке*, 131, 2010, с. 443–453.
4. Самарцић, Милосав, „Србија пре и после Другог светског рата“, *Краљевина Југославија у Другом светском рату*, Београд, 2017, преузето са: <http://kingdom-of-yugoslavia-in-ww2.com/category/istorija-clanci/>
5. *Српска народна одбрана*, «О нама», Чикаго, 2017, <http://www.snd-us.com/onama/istorijat-sno.html>
6. Стојчић, Марија, *Срби у дијаспори*, Универзитет у Нишу, Природно-математички факултет – департаман за географију, Ниш, 2014.
7. Babic Mate, Primorac Emil, “Some Causes of the Growth of the Yugoslav External Debt”, *Soviet studies*, Vol. 38, No. 1, 1986, с. 69–88.
8. Bellamy, Alex J., *The Formation of Croatian National Identity: A Centuries-Old Dream?*, Manchester University Press, Manchester, 2004.
9. Bowman, Glenn, “Constitutive Violence and the Nationalist Imaginary: The Making of ‘The People’ in Palestine and ‘Former Yugoslavia’”, In: Francisco Panizza (Ed.), *Populism and the Mirror of Democracy*, Verso, London, New York, 2005, с. 118–143.
10. Ciment, James, Hill, Kenneth, *Encyclopedia of Conflicts since World War II*, Routledge, London, 2012.

11. Čizmić, I., "Emigration and emigrants from Croatia between 1880 and 1980", *GeoJournal*, Vol. 38, No. 4, 1996, c. 431–436.
12. Dorril, Stephen, *MI6: Inside the Covert World of Her Majesty's Secret Intelligence Service*, Simon & Schuster, New York, 2002.
13. Đilas Milovan, *Revolucionarni rat*, Književne novine, Beograd, 1990.
14. Hockenos, Paul, *Homeland Calling: Exile Patriotism & the Balkan Wars*, Cornell University Press, Ithaca (NY), 2003.
15. Sloan, Stephen, Anderson, Sean K., *Historical Dictionary of Terrorism*, Scarecrow Press, Lanham, 2009.
16. Sopta, Marin, „Izazovi i perspektive hrvatskoga iseljništva nakon ulaska u EU. Zaboravljena hrvatska dijaspora“, *Vijenac*, br. 502, 2013, c. 4–5.
17. Sopta, Marin, „Vizionarskim idejama protiv umjetnoga jedinstva“, *Vjesnik*, 18. listopada 2004, c. 11.
18. *Središnji državni ured za Hrvate izvan Hrvatske*, Vlada Republike Hrvatske, Zagreb, 2017, <http://www.hrvatiizvanrh.hr/hr/hmiu/dobro-dosli-na-stranice-drzavnog-ureda-za-hrvate-izvan-republike-hrvatske/43>
19. Šarić, Tatjana, „Bijeg iz socijalističke Jugoslavije – ilegalna emigracija iz Hrvatske od 1945. do početka šezdesetih godina 20. Stoljeća“, *Migracijske i etničke teme*, Vol. 31, Br. 2, 2015, c. 196–220.
20. Šojić, Sanja, Stevanović, Katarina, „Tribina: 70 godina od Drugog svetskog rata. Zavet koji nije ispunjen“, *Vreme*, Br. 1271, 14.maj 2015, <http://www.vreme.co.rs/cms/view.php?id=129723>
21. Tasovac, Ivo, *American Foreign Policy and Yugoslavia, 1939–1941*, Texas A&M University Press, College Station (Texas), 1999.
22. Vasić, Miloš, „Dr Franjo Tuđman 1992–1999: jedna karijera“, *Vreme*, Br. 467, 18. decembar 1999, c. 5.